

СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ МИТРОПОЛИЧЬЕГО ДВОРА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – НАЧАЛЕ XVI ВЕКА

А. Ю. Савосичев

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Поступила в редакцию 20 мая 2019 г.

Аннотация: в статье рассматриваются структура, функции и персональный состав митрополичьего двора во второй половине XV – начале XVI в.

Ключевые слова: митрополичий двор, боярин, дворянин, сын боярский, наместник, дворецкий, казначей, десятинник, тиун, дворский, посельский.

Abstract: the article deals with the structure, functions and personnel of the Metropolitan court in the second half of the XV – early XVI centuries.

Key words: metropolitan court, boyar, nobleman, son of the boyar, Governor, Butler, Treasurer, desatnik, tiun, dvorsky, poselsky.

Данная статья является непосредственным продолжением исследования, первые результаты которого были опубликованы в 2017 г. [1]. Это обстоятельство позволяет мне не останавливаться на постановке проблемы и характеристике историографии.

Со второй половины XV в. в истории митрополичьего двора начинается новый этап. Изменение порядка избрания главы Русской церкви стабилизировало процесс передачи власти. Период вдовства кафедры свелся к минимуму. Исчезли предпосылки для кризисов, связанных с неопределенностью вопроса о преемнике. Это способствовало формированию непрерывной традиции службы членов митрополичьего двора своему господину, что в свою очередь благоприятствовало стабилизации генеалогического состава корпуса светских слуг главы Церкви.

Во второй половине XV – начале XVI в. окончательно складывается чиновная структура митрополичьего двора. Она, так же как и в Государевом дворе, была двухуровневой: бояре и дворяне, бояре и дети боярские.

Митрополиту Ионе служили бояре Федор Александрович и Юрий [2, с. 25; 3, с. 107; 4, с. 214–215]; Филиппу – Фома Данилович [3, с. 134]; Геронтию – Фома Данилович, Федор и Василий Юрьевичи [там же, с. 53, 58; 5, с. 344; 6, с. 281]; Зосиме – Федор и Василий Юрьевичи и Никита Данилович [3, с. 182, 267]; Симону – Никита Данилович и Василий Юрьевич Стефанов [2, с. 123; 3, с. 26, 53, 56, 160; 5, с. 525].

Все митрополичьи бояре, за исключением Федора Александровича, чье происхождение установить не удастся, принадлежали к одному роду потомков Федора Бяконта. Внука черниговского боярина, Степана Феофановича «князь великий Василей Дмитре-

евичь даль Киприяну митрополиту въ бояря» [7, с. 276; 8, с. 88; 9, л. 220; 10, с. 123, 124]. У Степана было два сына – Юрий и Данила – и четыре внука – Федор и Василий Юрьевичи, Фома и Никита Даниловичи [7, с. 276–277].

Бояре вступали свидетелями в поземельных актах митрополичьего дома и при удостоверении духовных грамот [2, с. 123; 3, с. 51, 53, 56, 58, 107, 134, 160, 267; 5, с. 525]. Участвовали в межевании земельных владений митрополии [3, с. 26, 53]. Присутствовали на суде, когда митрополит лично разбирал дело [там же, с. 182; 6, с. 281]. 5 июня 1478 г. митрополит Геронтий, утвердив духовную, велел приложить к ней печать своему боярину Федору Юрьевичу [5, с. 344].

Кроме этого, митрополичьи бояре выполняли разного рода особые поручения. Около 1448 г. Иона направил в Литву своего боярина с благословением и извещением о своем избрании на митрополию [4, с. 93]. Весной 1504 г. в Новгород прибыли великокняжеские эмиссары Юрий Дмитриевич Владимиров и Иван Телешев в сопровождении митрополичьего боярина, не названного по имени, для исполнения распоряжения великого князя и митрополита о низложении архиепископа Геннадия. Владыку «взяли», казну опечатали и уехали обратно в столицу 1 июня [11, с. 611].

Единственное известное мне упоминание в источниках митрополичьих дворян датируется примерно 1451 г. Они составляли свиту митрополичьего десятинника [2, с. 25; 4, с. 214–215]. В разъезжей митрополичьей и великокняжеской земли в Дмитровском уезде, датируемой широко, 70–80-ми гг. XV в., в качестве мужей упоминаются митрополичьи дети боярские Шолох Чертов, Рагоза Терентьев и Денис Рагозин [3, с. 83]. Это самое раннее упоминание о митрополичьих детях боярских. Так же, как и в струк-

туре Государева двора, дети боярские сменяют дворян на «нижнем этаже» двора митрополичьего.

Функции митрополичьего двора, как уже отмечалось, вытекали из двух функций Церкви: судебной и управления собственностью. Судебные полномочия митрополиты делегировали своим наместникам, десятинникам и тиунам. Все они известны еще по меньшей мере с XIII в.

При митрополите Ионе по источникам прослеживаются два наместничества председателя Русской церкви: владимирское и киевское. Митрополичий владимирский наместник, первое известное нам упоминание о котором относится к 1353 г., вплоть до середины XV столетия оставался, по сути, правой рукой первоиерарха. В случае отсутствия митрополита («коли куде отъеду в свою митрополью дале») вся полнота его судебной власти передавалась наместнику («кому прикажу свое место ведати») [там же, с. 123, 124]. Такие же полномочия предоставлял своему владимирскому наместнику и митрополит Феодосий [там же, с. 125].

Киевский наместник, в юрисдикцию которого входила вся западная половина митрополии («на Киеве и в Вилне, и в Новегородке, и в Городне и по всем градом и местом, и по селам, где ни есть мои митропольскии церкви»), осуществлял контроль за соблюдением церковного законодательства («оправдания вся церковная»), вершил суд по церковным делам и над церковными людьми, занимался текущим церковным управлением («дела духовные управляти») и хозяйством («села церковные и наши митропольскиа строити, и людей отовсюду блюсти и дозирати»). Наместнику принадлежало право освящения антиминса, рукоположения дьяконов и иереев с выдачей соответствующих ставленнических грамот [4, с. 181].

Все известные нам упоминания киевского митрополичьего наместника относятся ко временам предстоятельства Ионы. Формулярные изводы трех его грамот датируются 50-ми гг. XV в. [там же, с. 181, 199, 205; 5, с. 25]. Обосновывая объем полномочий наместника ссылкой на старину, Иона обращается ко временам митрополита Фотия и великого князя Витовта [5, с. 25]. Существовало ли киевское митрополичье наместничество ранее, в XIV столетии? По всей видимости, существовало. Возникновение института митрополичьих наместников, скорее всего, связано с переносом резиденции председателя Русской церкви из Киева во Владимир, необходимостью развозов и долгими отсутствиями митрополита в ключевых городах своего диоцеза.

Персонально известны два наместника, представлявших митрополита в Киеве: старец Давыд и архимандрит Акакий [4, с. 205]. Освящение антиминса, поставление дьяконов и иереев относятся к

исключительной компетенции епископов. Следовательно, киевским митрополичьим наместником мог быть только клирик. Это не противоречит сделанному нами ранее выводу о том, что владимирским митрополичьим наместником мог быть и мирянин [1, с. 101]. Владимирские наместники, по всей видимости, имели более узкий круг полномочий и не касались духовных дел.

Судя по имеющимся скудным данным о митрополичьих наместниках, эту должность, возможно, вообще следует вывести за границы митрополичьего двора как корпорации светских слуг. По крайней мере, в отношении киевских наместников такой ввод, полагаем, бесспорен.

При преемниках митрополита Ионы киевское наместничество более не упоминается. Западная половина митрополии более не относилась к их юрисдикции. Владимирское наместничество продолжало существовать, но его место в структуре управления поменялось. Об этом свидетельствуют изменения в формуляре митрополичьих жалованных грамот. Формула «яз митрополит сам его сужу, а коли куде отъеду в свою митрополью дале, ино его судит мой наместник, тот кому прикажу свое место ведати» выходит из употребления. Начиная с жалованной грамоты митрополита Феодосия домовому Суздальскому Михаило-Архангельскому монастырю от 4 августа 1462 г., в актах этого вида используется оборот «яз митрополит сам его сужу». Наместник же по отношению к адресату грамоты не всылает, не въезжает, не судит и кормов не берет, как и все остальные должностные лица митрополичьего двора, обладающие судебными полномочиями [3, с. 141]. Аналогичные черты имеет формуляр жалованных грамот митрополитов Филиппа, Геронтия, Зосимы и Симона [там же, с. 170–171, 173, 181, 188, 189].

Таким образом, статус владимирского наместника явно понизился, он перестал быть правой рукой митрополита, став в один ряд с другими слугами митрополичьего двора. С расколом Киевской митрополии на собственно Киевскую и Московскую разъезды митрополита, связанные с длительными отлучками, прекратились. Вместе с тем и отпала необходимость в наместнике с широкими полномочиями.

В актах второй половины XV – начала XVI в. обнаруживаются упоминания шести судебных округов-десятин: переславской [там же, с. 124–126; 5, с. 426], владимирской [3, с. 170–171, 173, 181], нижегородской [там же, с. 181; 6, с. 527], медушской [3, с. 171], костромской [2, с. 265, 456] и усольской [3, с. 238]. Митрополичьи десятинники (или десятильники) так же, как и наместники, въезжают и всылают в земельные владения, берут пошлины и кормы и судят тех, кто не обладает иммунитетными правами. Судя по формулярному изводу послания митрополи-

та Ионы князю Михаилу Андреевичу, десятинник объезжал десятину в сопровождении небольшого отряда митрополичьих дворян и останавливался на подворьях у представителей местного духовенства [2, с. 25; 4, с. 214–215].

Согласно жалованной грамоте митрополита Зосимы Троице-Сергиеву монастырю от 17 октября 1490 г. на ряд церквей в Переславском уезде, десятиннику за его пошлыны и кормы полагалось по 6 алт. с церкви. «То ему на весь год» [5, с. 426]. В жалованной грамоте митрополита Симона Дмитрию и Владимиру Ивановым Аминевым на церковь Николая Чудотворца в с. Емстне Костромского уезда от 3 февраля 1496 г. указано, что с причта десятиннику за десятинничьи пошлыны, кормы, осенний проезд и явленную куницу полагалось 5 алт. на год [2, с. 265].

Судебные полномочия принадлежали также тиунам. Согласно жалованной грамоте митрополита Феодосия домовому Суздальскому Михаилу-Архангельскому монастырю от 4 августа 1462 г., митрополичьи тиуны не высылают, не въезжают и не судят [3, с. 141]. Используется та же формула, которая освобождает иммунитета от юрисдикции наместника и десятинника. Жалованная митрополита Филиппа Владимирскому Сновидскому монастырю от 19 декабря 1464 г. освобождает братию одновременно от наместничьего суда и суда тиунов [там же, с. 170–171]. Та же формула содержится в жалованных грамотах митрополитов Геронтия [там же, с. 181, 188], Зосимы [там же, с. 188] и Симона [там же, с. 189].

Источники различают два вида тиунов. Одних митрополиты именуют «мои тиуны». По отношению к другим употребляются формулы «наместники, тиуны и их тиуны», «десятинники и их тиуны», «наместника своего тиунам никаких пошлын имати им не велел». Первые явно были самостоятельными судебными чиновниками. Функции вторых, по всей видимости, были аналогичны тиунам светских наместников. Великокняжеские судьи перепоручали часть многочисленных дел тиунам и доводчикам из собственных холопов. Они разбирали дело по существу и выносили предварительный приговор, который потом утверждался наместником. В актах митрополичьей кафедры упоминаются тиуны наместников, десятинников и тиунов как самостоятельных судебных чиновников («тиуны и их тиуны») [2, с. 265; 3, с. 126, 171, 173].

Вопрос о соотношении юрисдикции митрополичьих наместников, десятинников и тиунов требует, на наш взгляд, специального исследования. Ограничимся лишь отдельными наблюдениями. Изначально суд наместника, по всей видимости, надстраивался над судом десятинника как суд более высокой инстанции. Жалованные грамоты митрополитов Ионы и Феодосия Переславскому Покровскому на Богоне

монастырю от 10 января 1449 г. и 16 октября 1461 г. освобождают обитель от суда переславских десятинников и указывают, что игумена и монахов судит сам Святейший или его наместник [3, с. 124, 125].

Позднее, по меньшей мере, к последней четверти XV в. юрисдикция наместника осуществляется параллельно юрисдикции десятинника. Судья по жалованной грамоте митрополита Зосимы от 15 октября 1490 г., наместник и десятильник имели отдельные судебные округа. Грамота дана митрополичьему Владимирскому Благовещенскому Сновидскому монастырю на приписной монастырь Успения Богородицы на Любце в медушской десятина и церковь Св. Николая, «что в их сельце под монастырем». Там, где речь идет о суде над Сновидским монастырем, никольской церковью и Успенским монастырем, упоминаются полномочия и владимирского наместника, и медушского десятинника. Там, где говорится исключительно о правах сновидской братии, указывается только суд наместника. Напротив, там, где имеется в виду только пустошь Максимовская в Медушах, фигурирует только суд медушского десятинника [там же, с. 171]. В жалованной грамоте митрополита Геронтия архимандриту Сергию, настоятелю одновременно Нижегородского Благовещенского и Владимирского Царевоконстантиновского монастырей от 4 января 1478 г. упоминается суд владимирских наместника и тиуна и нижегородского десятинника [там же, с. 181]. 2 сентября 1510 г. духовная Василия Астафьева Сотницкого явлена митрополичьему костромскому десятиннику Федору Фомину сыну Даниловича [2, с. 456]. Духовную утверждал либо митрополит, либо епископ. Поручение такой процедуры десятиннику указывает на то, что он обладал всей полнотой судебной власти в своем округе.

Митрополичий тиун упоминается только в паре с владимирским наместником, т. е. можно полагать, что в других судебных округах митрополичьего диоцеза тиунов как самостоятельных судебных чиновников не существовало [3, с. 141, 170–171, 173, 181, 188, 189]. Жалованная митрополита Симона Успенской церкви от 18 июня 1498 г. указывает, что митрополичьи владимирские наместники, тиуны и наместничьи десятинники по па не судят [там же, с. 173]. Учитывая, что в актах митрополичьей кафедры владимирская десятина упоминается трижды, а владимирские десятинники как самостоятельные судебные чиновники не упоминаются, можно предположить еще одну специфическую черту владимирского судебного округа. Здесь суд десятинника, видимо, был судом первой инстанции, над которым надстраивался суд наместника.

Административно-хозяйственная часть митрополичьего управления во второй половине XV – начале XVI в. была представлена, прежде всего, казначеем

и дворецким. Ранее ни тот, ни другой в источниках не упоминаются.

Казначей митрополита Филиппа Никандр [там же, с. 134], Геронтия – Мисаил [12, с. 382], Симона – Яким [3, с. 53] монахи. Казначей митрополитов Федосия и Филиппа Акакий упоминается в источниках дважды и оба раза без каких-либо указаний на монашество [там же, с. 57, 114]. В любом случае, если казначейство и вручалось митрополитами светским слугам, то эта практика была относительно кратковременной. Таким образом, казначеев, как и заместников, следует вывести за пределы митрополичьего двора.

Дворецким митрополита Ионы был чернец Тихон Коровай [там же, с. 82, 107, 117]; Феодосия – некий Семен [там же, с. 97]; Филиппа – Наум Алферьев [там же, с. 215] и Федор Юрьевич [там же, с. 133]; Зосимы и Симона – Кузьма Вятка Яковлевич Сахарусов [там же, с. 48, 51, 53, 61, 160, 182, 193, 209]; Симона – Федор Федорович Сурмин [там же, с. 60, 160]. Можно уверенно заключить, что по меньшей мере с 1460-х гг. митрополичий дворецкий человек светский.

Дворецкие выступали контрагентами в земельных сделках митрополичьей кафедры: покупали [там же, с. 60, 82, 160], обменивали [там же, с. 107, 117, 133, 160, 193, 215] и межевали [там же, с. 48, 53, 61] вотчины. Судили поземельные споры [там же, с. 97]. Присутствовали, если суд вершил сам митрополит [там же, с. 182]. 10 ноября 1491 г. жалованная грамота митрополита Зосимы Саве Никифорову на право поселения на пустоши митрополичьего Новинского монастыря в Московском уезде была выдана Вяткой Сахарусовым [там же, с. 51]. 20 февраля 1500 г. он же послух в записи-обязательстве митрополичьего Кузьмина монастыря митрополиту Симону на неотчуждение оброчных рыбных ловель в Нижегородском уезде [там же, с. 209].

Митрополичий конюший упоминается в источниках один раз, в формулярном изводе послания митрополита Ионы князю Михаилу Андреевичу Верейскому [4, с. 214–215]. Каковы были обязанности митрополичьего конюшего, точно сказать нельзя. По всей видимости, они были сходны с обязанностями конюшего великокняжеского.

Промежуточное положение между судебными и административно-хозяйственными должностями занимал митрополичий волостель. В исследуемую эпоху их упоминается трое: романовский (1450 [3, с. 123] и 1509 [там же, с. 120, 121] гг.), карашский (1473–1489 [там же, с. 28]) и селецкий (1495/96 [там же, с. 61, 63] и 1498/99 [там же, с. 65, 66]). Персональный состав волостелей следующий. Митрополиту Геронтию служил карашский волостель Михаил Сахарусов [там же, с. 28], Симону – селецкие волостели Семен Якшилов [там же, с. 61, 63] и Окул Де-

ревлев [там же, с. 66]; романовские Андрей Чурин [там же, с. 120] и Алеша Григорьев Филиппов [там же, с. 121].

Митрополичьи волостели осуществляют обмен митрополичьих земель [там же, с. 28, 121], присутствуют при их межевании [там же, с. 61, 63, 120], осуществляют их хозяйственную эксплуатацию («и приказал тою землю митрополиту волостелю селецкому ведати и пахати на государя на митрополита» [там же, с. 65, 66]). Согласно жалованной грамоте митрополита Ионы Андрею Афанасьеву на пустошь Голямовскую Романовской волости Переславского уезда от 25 мая 1450 г. романовские волостели так же, как заместники и десятичники, въезжают, кормы и поборы взимают, судят [там же, с. 123].

«Нижний этаж» административно-хозяйственной части митрополичьего двора представлен посельскими и дворскими. Посельские представляли интересы митрополичьих крестьян в суде [2, с. 461; 3, с. 97, 106, 108, 138–141, 212, 221, 222, 226–228, 257, 258], выступали в качестве старожильцев [3, с. 97], послухов и мужей [там же, с. 83, 135, 164, 169]; собирали оброк [там же, с. 207, 208]. Судя по эпитетам («ильинский» [там же, с. 135], «забачинский» [там же, с. 83], «каринский» [там же, с. 108]) и прямым указаниям (юрьевских сел [там же, с. 135, 258], села Кузьминского [там же, с. 226–228], села Порецкого [там же, с. 208], села Куликовского [там же, с. 222]), посельский заведовал отдельной митрополичьей вотчиной как особым владельческим комплексом.

Дворский, судя по немногочисленным упоминаниям о нем, прежде всего, организатор общественных работ, трудовых повинностей в пользу митрополичьей кафедры. Жалованная тарханно-несудимая и оброчная грамота митрополита Геронтия бортникам на земли во Владимирском уезде от 19 июня 1478 г. сообщает: дворские владимирские не наряжают им дела никакого и кормов на них своих не емлют. Аналогичную привилегию предоставили бортникам митрополиты Зосима и Симон [там же, с. 188–189].

Каково соотношение между чиновной и должностной структурами митрополичьего двора? Из митрополичьих владимирских заместников персонально установить не удастся никого. Из десятичников известны Юрий (около 1451 г.) и Федор Фомин Данилов (1510 г.) [2, с. 456; 4, с. 214–215]. Юрий, судя по тому, что он еще и боярин, сын митрополичьего боярина Степана Феофановича – Юрий Степанович. Федор Фомич, соответственно, правнук Степана и внучатый племянник Юрия.

Митрополичьи дворецкие и волостели перечислены выше. Один из шести дворецких – Федор Юрьевич – будущий боярин. Сахарусов, Сурмин, Фомин и Якшилов – представители фамилий митрополичьих детей боярских.

Таким образом, митрополичий боярин мог занимать должность конюшего, десятинника и, возможно, дворецкого. Но столь же часто чин боярина оказывается не связанным ни с какой должностью в структуре митрополичьего двора. Учитывая, что при митрополите не было ничего подобного Думе, и, принимая во внимание общую малочисленность боярства (2–3 боярина на митрополита), можно заключить, что боярин, скорее всего, это воевода «митрополичьего полка» и своего рода чиновник для особых поручений. Все бремя судебной и административно-хозяйственной деятельности ложилось на митрополичьих детей боярских.

Каких-либо указаний на личности митрополичьих дворских найти не удалось. Из митрополичьих тиунов известны двое: Некрас (1448–1461) [3, с. 82] и Константин (около 1470–1471 гг.) [5, с. 288]. Посельские: Вавулка и старец Серапион (1462–1464) [3, с. 97]; Новик и Никандр-чернец (1462–1502) [там же, с. 134, 135]; Дмитрий Щербина (1477) [там же, с. 207]; Митеня (70–80-е гг. XV в.) [там же, с. 83]; Данила (1478–1485, 1482–1484) [2, с. 461; 3, с. 258]; Гридя Пятин (1493/94, 1501/02) [3, с. 156, 212]; Михаил Иванов Внуков, Никита Константинов сын и Олеха Олексин сын (1495–1511, 1499) [там же, с. 135, 258]; Ваня (1497/98, 1501/02) [там же, с. 222, 226–228]; Якуш [там же, с. 221]; Малга (служил митрополитам Филиппу и Геронтию), Сава-чернец (был посельским еще при Фогии) и чернец Шуба [там же, с. 226–228]; Сухой (1498) [там же, с. 108]; Ивашка Потапов и старец Игнатий (1498/99) [там же, с. 150, 257]; Сенька (конец XV в.) [там же, с. 106]; Юрий и Яков Васильевы Масленицкие (1499/1500, 1504) [там же, с. 164, 169]; Андрей Потапов, Булгак Ларионовский и Гомзяк Кутуков (1504) [там же, с. 164].

Судя по антропонимике (отсутствие отчеств, именование только некалендарным именем или уменьшительной формой календарного имени), люди, занимавшие должности тиунов и посельских, стояли на социальной лестнице ниже детей боярских, будучи аналогом великокняжеских «слуг под дворскими». Последние занимали промежуточное положение между служилым и податными сословиями. С одной стороны, военная служба не была их обязанностью, а с другой – тягла они не тянули.

Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева

Савосичев А. Ю., доктор исторических наук, доцент кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности

E-mail: sawositchev@mail.ru

Таким образом, можно заключить, что митрополичий двор, окончательно выкристаллизовавшийся во второй половине XV – начале XVI в., по своим функциям и структуре повторял двор Государев. Сходные задачи влекли за собой сходные решения. Ростовский священник Григорий Скрипица, таким образом, имел все основания для своих упреков, адресованных церковному начальству: «Назираете церковь по царьскому сану земного царя, бояры и дворецкими, неделщиками и тиуны, своих деля прибитковь, а не по достоянию небесного царя воинству» [13, с. 667].

ЛИТЕРАТУРА

1. Савосичев А. Ю. Двор русских митрополитов в XIV – первой половине XV века / А. Ю. Савосичев // Вестник Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. – 2017. – № 1.
2. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. (далее – АСЭИ) : в 3 т. – М., 1964. – Т. 3.
3. Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков : в 3 ч. – М., 1951. – Ч. 1.
4. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. – М., 2008.
5. АСЭИ : в 3 т. – М., 1952. – Т. 1.
6. АСЭИ : в 3 т. – М., 1958. – Т. 2.
7. Родословная книга князей и дворян российских и выезжих, содержащая в себе родословную книгу, собранную и сочиненную в Разряде при царе Федоре Алексеевиче и по временам дополняемую, и которая известна под именем Бархатной книги : в 2 ч. – М., 1787. – Ч. 1.
8. Памятники истории русского служилого сословия. – М., 2011.
9. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 181. – № 173.
10. Редкие источники по истории России. – М., 1977.
11. Полное собрание русских летописей : в 43 т. – М., 2000. – Т. 4, ч. 1.
12. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века : в 4 т. – М., 1998. – Т. 2.
13. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века : в 3 т. – М., 1987. – Т. 3.

*Orel State University named after I. S. Turgenev
Savosichev A. Yu., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of the Religious Studies and Theology
E-mail: sawositchev@mail.ru*